

Русский

АРЛЕКИН

Елена Булганова

МОЯ МАМА – СНЕГУРОЧКА

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Елена Булганова

Моя мама – Снегурочка

«Центрполиграф»

Булганова Е.

Моя мама – Снегурочка / Е. Булганова — «Центрполиграф»,

У маленькой Леры есть все, что нужно для счастья десятилетней девочке. Нет только мамы, и, кажется, не было никогда. Подружек отца Лера знает наперечет и решает устроить испытание всем троим, чтобы понять, кто из женщин ради нее может пройти огонь и воду, а значит, стать ее настоящей матерью. Как только отец уезжает, девочка сбегает из Москвы в Санкт-Петербург, где когда-то появилась на свет.

Елена Булганова

Моя мама – Снегурочка

Теперь у маленькой Леры есть все, о чем только может мечтать десятилетняя девочка, ученица четвертого класса.

Ее просторная детская смотрит окнами в сад, где в фантастическом узоре переплетаются круглые прудики, разноцветные дорожки, фигурки причудливых животных и море цветов. Правда, зима временно превратила этот плод вдохновения лучших в Москве ландшафтных дизайнеров в снежную пустыню, посреди которой горделиво возвышается красавица ель – ее украсят к Новому году. У Леры есть даже своя гардеробная комната, и всякую девочку своих лет она придирчиво рассматривает на предмет одежды. И чаще всего презрительно кривит маленький пухлый ротик.

Утром Лера самостоятельно просыпается по звонку будильника, натягивает форменное платье и сбегает вниз по лестнице их с папой загородного дома. И не может удержаться – подолгу крутится у большого зеркала. Лера знает, что в классе она самая красивая. У нее густые, чуть выющиеся волосы, про которые сказал кто-то, что они – цвета карамели. Хотя некоторые дураки мальчишки и дразнят ее рыжей. Лера терпеть не может дурацкие косички, и домработница Мила каждое утро собирает ей волосы в пышный хвост на макушке. Затем, без сопровождения взрослых, только с водителем, Лера едет на учебу.

Лера не слишком усердная ученица, и ее школьный день всякий раз складывается по-разному. Если не спросят по математике, то, скорее всего, обойдется без троек. Меньше тройки Лере не ставят никогда, и это она тоже приписывает своему умению обаять любого взрослого.

Есть у нее и подруга – милая, скромная девочка Даша, которая молчаливо обожает Леру и на все готова ради ее расположения. Девочки вместе сидят за третьей партой в среднем ряду. Все контрольные Даша решает за подружку, а на большой перемене несется в столовую, чтобы занять для нее лучшее место. Лера позволяет Даше дружить с собой, но в глубине души ни во что ее не ставит.

Но, независимо от полученных оценок, к концу учебного дня настроение Леры заметно портится. Когда наступает пора спускаться в раздевалку, девочка уже едва не плачет и всячески оттягивает момент одевания. Ждет, угрюмо сидя на пластиковом стульчике, когда разойдутся со своими мамами ее одноклассники. Школа у Леры элитная, языковая, и мало кто из ребят прибегает сюда из соседнего двора. С разных концов города детей привозят и забирают родители.

Сегодня, пока Лера сидела и дулась в сторону раздевалки, мимо нее быстрым шагом проследовала директор школы. Но вдруг остановилась, сделала шаг назад и спросила:

– Что ты сидишь, Морозова? Почему лицо грустное? Случилось что-нибудь?

– Не-ет, – затрясла головой Лера. – Просто жду, когда мальчишки уйдут домой, а то они толкаются.

Директор поспешила по своим делам, но мимоходом заглянула в раздевалку, громко цыкнула на мальчишек и вышла обратно, неся в руках розовую Лерину шубку и мешок со сменкой. Положила все хозяйство на стульчик и распорядилась с ласковой улыбкой:

– Одевайся, Лерочка, пока не простыла.

Да, в этой школе все взрослые любили Леру. С ровесниками сложнее, но и среди них многие относились к ней совсем не плохо. Но Лере от этого не становилось легче.

Одевшись и еще немного посидев на стуле, Лера тихим шагом выходит из школы и бредет за угол, где уже полчаса дожидается ее Наташа. Вид у женщины совершенно замерзший, руки в тонких перчаточках втянуты в рукава, а ресницы побелели от инея. В общем, выглядит она так жалко, что даже издеваться над ней не хочется. Но приходится.

– Ну где ты была? – плаксиво заводит Лера. – Я ждала у школы и совершенно замерзла. Теперь вот точно заболела, уже в горле першит и ноги подкашиваются.

– Лерочка, – потерянными голосом оправдывается Наташа. – Ты же знаешь, где я тебя всегда жду. Неужели не можешь запомнить?

– А почему я должна запоминать? – тут же закипает Лера. – Всех же встречают по-нормальному, только не меня. Придется сказать об этом папе.

Разворачивается и быстрым шагом идет туда, где их обоих дожидается машина. Но сперва надо перейти дорогу, поэтому и приходит за ней Наташа к самой школе. По этой дороге машины проезжают раз в час, даже малыш-первоклассник способен перейти ее с закрытыми глазами. Но Лера никогда не упускает случая помучить Наташу.

А всего год и три месяца назад все было совсем по-другому. Тогда она только что переехала к отцу в Москву и пошла в школу после почти годового перерыва. Первого сентября Лера волновалась так, что не могла завтракать. Повез ее в школу отец, а при нем Лера не смела выказывать своей тревоги. Поэтому сидела тихо, как мышка, и тряслась с головы до ног. Из-за пробок на линейку они опоздали, и, когда вошли в школу, уже шел первый урок. Отец проводил дочку до класса и постучал в дверь. И почти сразу оттуда выпорхнула женщина, такая красивая, что Лера даже зажмурилась. На ней был бежевый костюм с длинной юбкой, а волосы цвета меди, крупно подвитые, заколоты в высокую прическу со спадающим на шею локоном. Женщина кивнула отцу и радостно улыбнулась Лере:

– Опоздавшая? То-то я вижу, у меня недочет. Меня зовут Наталья Евгеньевна, а тебя?

Лера от счастья, что у нее будет такая учительница, совершенно потеряла голову и продолжала стоять, даже когда ей велено было идти в класс. Отцу пришлось подтолкнуть дочку к двери. Учительницу же он попросил задержаться на пару слов. Наверное, хотел ее предупредить, что Лера почти год болела и все перезабыла. Иначе зачем бы Наталья Евгеньевна уже с первого дня взяла над Лерой шефство. Сначала они занимались в классе после уроков, но это было неудобно, шофер выбивался из графика. Тогда учительница стала несколько раз в неделю ездить к ним домой.

И как была потрясена Лера, когда однажды столкнулась с Натальей Евгеньевной на расвете в ванной комнате. Она просто оцепенела и смотрела во все глаза на учительницу, пока не примчалась Корка и не загнала ее обратно в детскую.

Случилось это во время весенних каникул, а после них Наталья Евгеньевна уже не вернулась в школу. Ее сменила другая учительница, хорошая, добрая, но, увы, – немолодая и некрасивая. А потом в Лериной жизни случилось одно очень важное событие. Из дома была изгнана Корка, она же Карина Львовна, Лерина гувернантка.

Корка появилась в доме даже раньше самой девочки. Когда Леру только привезли, Карина Львовна уже встречала ее на пороге. Это была бы типичная фрекен Бок, но если в сказочном персонаже присутствовала хоть некоторая доля добродушия, то в Корке ничего доброго и человеческого не было в помине. Она жила в комнатке рядом с Лериной детской и имела возможность мучить ее с утра до вечера. На рассвете фурией врывалась в комнату девочки и начинала со всей силы дергать ее густые волосы, заплетая, а точнее сказать, сваливая их в две безобразные косицы. Лера вопила и изо всех сил сжимала прядки, пытаясь уменьшить боль. За что бывала бита по рукам, и до вечера они оставались красными, саднящими.

В школе Лера немного отдыхала от домомучительницы, но потом, когда нужно было делать домашнее задание, мучения наступали с удвоенной силой. В присутствии Корки Лера почему-то была не в состоянии написать правильно даже собственное имя. Тетрадки мялись, ручка текла, слова получались корявыми и бессмысленными. А Корка знай себе измывалась.

– Что ты написала? – визжала она удивительно тонким для ее обширного тела голосом. – Я ничего не понимаю! Последний debil справился бы с этой работой лучше тебя.

Лера молча глотала слезы и ждала того времени, когда по расписанию ей пора будет лечь в постель. Впрочем, однажды Корка заставила ее переписывать слова из учебника почти до полуночи.

Однажды, спускаясь по лестнице, Лера случайно споткнулась и пару ступенек проехала на попе. Ничего страшного не произошло, даже колготки не разорвались, но рядом оказалась Корка, в сопровождении которой девочка должна была ехать к врачу. Та задрожала лицом и крикнула:

– По лестнице нормально пройти не можешь? Ну-ка, поднялась и спустилась еще раз!

Лера понеслась по лестнице вверх, а потом очень чинно, держась за перила, стала спускаться вниз. И надо же: точно на том же самом месте зацепилась за перила рукавом куртки и чуть не полетела вниз головой. Корка побелела и скомандовала:

– Еще раз!

Но тут дело совсем не заладилось. Третий раз чуть не оказался для девочки роковым: правой ногой она в спешке промахнулась мимо ступеньки и едва не полетела головой вниз. Лера уже решила, что ходить ей по этой лестнице до старости, когда откуда-то из коридора прогремел вдруг отцовский голос:

– Что тут происходит?

– Ничего, Борис Валентинович, – моментом присмирела Корка. – Мы с Лерой идем на прием к невропатологу.

– А по-моему, вы никуда не идете, – произнес отец, появляясь на площадке под лестницей. – Только моя дочь зачем-то бежит вверх-вниз. Какого черта вы, уважаемая, издеваетесь над моим ребенком в моем же доме?

Корка поджала побелевшие губы и пробормотала, почти не открывая рта:

– Борис Валентинович, может, для продолжения беседы мы пройдем в ваш кабинет?

– Да не будет никакого продолжения беседы, – отрезал отец. – Я просто увольняю вас, вот и весь разговор. И прошу вас извиниться перед моей дочерью.

Тут Корка побагровела и пошла вразнос:

– Послушайте, я старалась для ее же блага. У девочки нет матери, вы самоустранились, а у нее, между прочим, очень неблагоприятные наклонности. И вы сами первый меня предупреждали...

Но тут отец метнул на нее такой взбешенный взгляд, что Карина Львовна живо заткнулась. И пробормотала, опуская голову:

– В любом случае об извинениях не может идти и речи.

– Ну, в таком случае о рекомендации также не может идти и речи, – подытожил отец. Развернулся и ушел к себе в кабинет. А еще через час мерзкая Корка навсегда покинула их дом.

Лера три дня пребывала в восторженном упоении. В своей комнате она многократно проигрывала сцену увольнения. Одно мучило ее: как она не догадалась раньше пожаловаться отцу на жестокость гувернантки. А ведь даже в голову такое не приходило. Лера ни на минуту не сомневалась, что Корка воспитывает ее таким суровым образом по распоряжению отца.

Потом несколько недель Лера жила без всяких гувернанток. Никто ее больше не дергал, а делать уроки помогала домработница. Потом вновь появилась Наталья Евгеньевна.

Лера не была чересчур наивным ребенком и в общих чертах понимала, как это учительница оказалась в их доме на рассвете. Некоторое время она ждала, что Наталья Евгеньевна переедет к ним жить насовсем. И в глубине души была этому рада, готова, может быть, не сразу, но со временем всем своим одиноким сердечком привязаться к ней. А получилось совсем иначе. Однажды отец просто объявил ей, что теперь Наталья Евгеньевна будет присматривать за ней и помогать делать уроки. С этого момента Лера больше не чувствовала к бывшей учительнице никакого уважения. Из красивой и неприступной Натальи Евгеньевны она преврати-

лась просто в Наташу, жалкую, вечно запуганную, которая не смеет близко подойти к школе, чтобы ее не увидели прежние коллеги.

Жить к ним Наташа не переехала. Бывшая комната Корки так и стояла пустой. Наташа забирала Леру после уроков, кормила, занималась с ней, проверяла уроки. А вечером водитель отвозил ее в Москву.

Поначалу Лера даже собиралась поймать Наташу на каком-нибудь промахе и настучать отцу. И пусть он ее выгонит. А Лера почему-то не сомневалась, что отец это сделает, несмотря на то что с Наташей у него были ОТНОШЕНИЯ. Но вовремя сообразила, что более покладистой и кроткой гувернантки у нее может и не оказаться.

Придя домой, Лера едва стянула школьный костюмчик и тут же с кислым видом прилегла на диван.

– Лера, – окликнула ее, заглядывая в комнату, Наташа. – Тебе надо пообедать, а потом уроки...

– Но ты меня заморозила, – грубым голосом перебила девочка. – Я вообще могу тяжело заболеть. Лучше принеси мне чая с малиной.

Наташа вздохнула и исчезла за дверью. Лера натянула одеяло на голову и стала думать о том, стоит ли ей вообще сегодня вставать. Если не встанет, то завтра не пойдет в школу. И у нее весь день будет более или менее нормальное настроение. Но тогда накопятся невыполненные задания, и в школе опять начнутся проблемы. Рассуждая об этом, Лера сама не заметила, как крепко уснула.

Проснувшись уже в сумерках. Впрочем, начинался декабрь, темнело очень рано. И все равно на душе стало как-то нехорошо, томительно, как бывает, когда нарушишь какой-нибудь строгий запрет. Почему Наташа ее не разбудила? И почему такая тишина? Лера вышла из детской и отправилась разыскивать хоть кого-нибудь из обитателей дома.

Проходя мимо отцовского кабинета, она увидела полоску света из-за приоткрытой двери и услышала голоса. Все понятно, папа неожиданно возвратился домой. Наверное, отпустил домработницу отдохнуть. А Наташа там, в кабинете, и, конечно, забыла обо всем на свете.

Голоса звучали отчетливо, и Лера сообразила, что разговор идет о ней. И застыла в темном коридоре, боясь обнаружить свое присутствие.

– Что опять случилось? – спрашивал отец, как показалось Лере, очень раздраженным голосом. – Она заболела?

– Нет, Боря, – тихо отвечала Наташа. – Но Лерочка каждый день приходит из школы в состоянии близком к истерике. Я пытаюсь учить с ней уроки, но каждый момент ожидаю взрыва.

– Так надо с этим срочно разобраться, – отозвался отец. – Может, ее там кто-то обижает, издевается? Я сам завтра же заеду в школу.

– Нет, я уверена, что никто ее не обижает, – тверже обычного произнесла Наташа. – Это другое. Она сама не понимает, что так выводит ее из себя, и от этого нервничает еще больше.

– Но должно же быть разумное объяснение. Наталья, ты педагог, и я доверил тебе ребенка в расчете на то, что все, наконец, наладится. Почему ты не можешь чем-то занять ее, отвлечь?

И Лера услышала, как нервно расхаживает отец по кабинету, с грохотом ставя ногу на пятку.

– Отвлечь от чего? – все так же тихо и ровно продолжала говорить Наташа. – Боря, это как-то связано с ее прошлым, возможно, с болезнью. Почему ты не хочешь рассказать, что с ней было в тот год...

– Наташа, это не обсуждается! – рявкнул отец. – Болезнь моей дочери не имеет никакого отношения к ее сегодняшним проблемам. То есть имеет, но только косвенное. Девочка целый год провела дома, ее воспитывала бабушка и разбаловала до безобразия. А ты лучше бы

заставила ее снова рисовать. Лера ведь еще до школы занималась рисованием, ходила сначала в студию, а потом в художественную школу. Вот и убедил ее снова взяться за карандаш! Или пианино, я купил ей самый лучший инструмент из всех существующих, а она к нему даже не подходит. Честное слово, я уже жалею, что пригласил к девочке тебя! Ты слишком мягкотелая, Наташа.

Наступила тишина, а потом до Леры донесся задумчивый всхлип.

– Ну что ж, – проговорила Наташа глухим голосом. – Жестоко, но справедливо. А по моему, дело не в моей мягкости. Просто тебе неудобно в моем присутствии водить сюда своих женщин!

«Да как она смеет так разговаривать с моим папой!» – сжала кулачки Лера.

Но отец за дверью ответил вполне мягко:

– Ну, перестань, Наталья. Никого я не вожу, у меня просто нет на это времени. И поверь, никто мне не мешает делать в собственном доме все, что мне хочется делать...

Дальше Лера слушать не стала. Испугалась – вдруг начнут кричать. И на цыпочках убежала в свою комнату.

Спать больше не хотелось, делать уроки – тем более. Лера попробовала занять себя чем-нибудь. Даже присела к пианино, которое с самого ее приезда бесцельно стояло в углу детской. Подняла крышку и провела рукой по клавишам. Удивительно, но пальцы вдруг словно зажали своей жизнью, забегали в поисках нужных звуков – и получилась вполне сносная мелодия. А ведь Лера была уверена, что ничего не помнит из своих детских уроков. Она даже никак не могла вспомнить, кто учил ее играть.

И вдруг какая-то тягучая душная тоска окутала ее с ног до головы, железным обручем сдавила виски. Лера поскорее отошла от пианино. Забралась с ногами на кровать и оттуда уставилась на инструмент так, как будто он мог накинуться на нее.

«Нет, не хочу я больше играть, – подумала девочка. – Наверно, болезнь отбила у меня интерес к музыке. А интересно, чем я все-таки была больна?»

Лера хорошо помнила, что в тот год, когда она не ходила в школу, у нее ничего не болело и бабушка не заставляла ее лежать в постели. Но к ней ходили доктора, солидные дяди и тети, разговаривали с ней и выписывали разные лекарства. Лера, как и большинство детей, безоглядно доверяла взрослым в вопросах собственного здоровья и никогда не спрашивала у бабушки, чем, собственно, она больна. А теперь бабушку уже и не спросишь...

Она немного повозилась с игрушками, причесала любимую куклу, а потом, не дождавшись ужина, вновь забралась в постель.

На следующее утро будильник не зазвонил и в школу Леру никто не поднял. Сама она проснулась около десяти. И почти сразу в комнату вошла Наташа, веселая, с блестящими глазами.

– Вставай, соня! – почти пропела она. – Пойдем, я приготовила тебе мой фирменный омлет.

– А тетя Мила что приготовила? – строго спросила девочка, давая понять, что предпочтет новшествам испытанную кухню.

Но Наташа даже глазом не моргнула:

– А у вашей домработницы сегодня выходной. Ну, одевайся скорее.

В столовую Лера спускалась с некоторой опаской. Беспокоила ее возможная встреча с отцом. А что, если он спросит, почему она не в школе? Хотя, наверное, это он сам освободил ее сегодня от занятий, не Наташа же. Но есть хотелось ужасно, и через пять минут Лера уже сидела у стола, а Наташа накладывала ей на тарелку большой золотистый блин омлета, расцвеченный зеленью и помидорами.

– Ну что, вкусно? – спросила Наташа, с улыбкой наблюдая за девочкой.

Омлет был очень вкусный, однако Лера на всякий случай поморщилась и сухо буркнула:
– У тети Милы лучше получается, – и с удовольствием понаблюдала, как тает бесследно улыбка на Наташином лице.

После завтрака вернулись в детскую. Лера привычно ожидала, что сейчас Наташа станет приставать к ней с уроками. Но женщина молча положила перед ней альбомный лист бумаги и несколько разноцветных ручек.

– Я рисовать не буду! – возмутилась Лера. – Я уже давно разучилась и вообще не хочу! – И тут же испуганно примолкла: ей показалось, что этим выкриком она случайно выдала свое вчерашнее подслушивание под кабинетом.

– А я и не предлагаю, – как ни в чем не бывало ответила Наташа. – Но сейчас уже начало декабря, не пора ли написать письмо Деду Морозу? Мне кажется, самое время.

Лера широко распахнула глаза и уставилась на гувернантку, как на сумасшедшую.

– Что ты еще придумала? Я давно выросла из этого возраста! Ни в какого Деда Мороза я не верю.

Тут Наташа присела к столу и посмотрела на Леру ужасно грустными глазами:

– А при чем тут возраст? Я, например, верю до сих пор. Только мне он все равно ничего не подарит, потому что я уже большая. А он заботится только о детях.

И Лера вдруг задумалась. Как бы мало она ни уважала Наташу, но ведь раньше та была школьной учительницей. А если верит даже учительница, то это кое о чем говорит.

– Но я уже писала, – отводя глаза, пролепетала она. – В прошлом году. И ничего не исполнилось.

– А как ты послала письмо? – присаживаясь к столу, очень серьезно спросила Наташа.

– Очень просто, как все посылают. Заклеила в конверт и бросила в ящик для писем.

– Тогда понятно, почему оно не дошло. В ящик бросают только письма по России. А Дед Мороз живет за границей, в Финляндии. Ему письмо нужно слать заказное. Сейчас на каждом почтамте работает служба Деда Мороза.

Слушая гувернантку, Лера покраснела от досады, сердито передернула плечиками. Однако Наташа говорила дельные вещи. Наверное, она и впрямь сглупила с прошлогодним письмом.

– Ладно, – глядя в сторону, примирительно произнесла Лера и пододвинула поближе листок. – Только ты мне не мешай. И вообще, посиди лучше на кухне или в гостиной.

– Но ты позовешь, если понадобится моя помощь? – спросила Наташа.

– Позову, ладно, – нетерпеливо отмахнулась девочка.

Наташа ушла, а Лера несколько минут просидела в глубокой задумчивости над чистым листом. Потом глубоко вздохнула и начала писать:

«Уважаемый Дедушка Мороз! Я знаю, что у тебя перед Новым годом очень много работы и много заказов от разных ребят. Наверно, тебе тяжело доставать такое количество игрушек для всех. А у меня очень много всяческих игрушек, игр и красивых книжек. Если хочешь, возьми их у меня и раздай ребятам из бедных семей. Мне ничего этого не нужно. Я уже почти взрослая. Дедушка Мороз, если хочешь меня порадовать, исполни одну мою просьбу. Верни мне мою маму, пожалуйста! Я не знаю, где ее искать, но знаю, что моя мама жива. Потому что, если бы она умерла, мы с папой ходили бы к ней на кладбище, как ходим к бабушке и дедушке.

Мне очень плохо без мамы, никто меня не понимает по-настоящему. Я разучилась рисовать и играть на пианино, а при маме я все это умела, кажется. И я совсем ее не помню. Пожалуйста, дорогой Дедушка, помоги мне!»

Лера отодвинула листок, уже заполненный до кромки ее крупным кривоватым почерком, и горько заплакала. Она пыталась придумать еще какие-нибудь слова, чтобы уж наверняка достучаться до волшебного деда. Но слова никак не находились, и Лера с тяжким вздохом

сложила свое послание в четыре раза. Затем торопливо вытерла слезы рукавом платья, потому что слышала под дверью Наташины шаги.

– Ну что, сама управилась? – ласково спросила гувернантка. – Или помощь нужна?

– Ничего мне не нужно, – опять буркнула Лера. – И поклянись, что не прочтешь!

– Клянусь, – очень серьезно пообещала Наташа.

– Сможешь отвезти его на почту уже сегодня?

– Почему же именно сегодня? Мы можем завтра, после уроков, заехать на почту и вместе отправить.

Но тут Лера была непреклонна. Потом письма пойдут охапками, и у Деда Мороза уже не останется времени их читать. Действовать нужно немедленно, пока еще можно попасть в первые ряды.

– Поезжай прямо сейчас, – распорядилась она. – Я сама сделаю уроки. И даже позвоню Дашке насчет сегодняшнего задания.

– Хорошо, зайчонок, – покорно согласилась Наташа.

Минуту спустя молодая женщина стояла под кабинетом хозяина дома. Из-за двери доносился звонкий голосок, с невероятной быстротой рождающий слова. А потом раздался серебристый залиvistый смех. И от этого смеха сердце Наташи словно затянулось ледяной коркой.

Она постучала в дверь сперва совсем тихонько и, кажется, не была услышана.

«Почему я скребусь, как прислуга?!» – разозлилась она сама на себя и несколько раз ударила в деревяшку кулаком. И вошла, не дожидаясь приглашения.

В гостевом кресле сидела совсем юная особа с диктофоном в руках. Девушке на вид было лет восемнадцать, и была она очень худенькая, тонкокостная, высокая, с густой шапочкой очень коротких пушистых волос. Девушка словно светила весельем, радостью жизни, ее скулы пылали, трогательно розовели открытые мочки ушей. И Наташа с горечью подумала о том, что сама была такой же, когда полюбила Бориса. Так же громко хохотала, так же безоглядно радовалась каждой мелочи. И была в то время так красива, что мужчины на улицах впадали в ступор. Всего год прошел, и куда все подевалось?

– А, Наташа, – приветствовал ее хозяин. И тут же представил госте: – Это Наталья Евгеньевна, учительница моей дочери. А это Саша, отчества пока не знаю. Эта милая девушка почему-то решила написать обо мне очерк. Вот пытаюсь ей объяснить, что я всего лишь рядовой бизнесмен и писать обо мне нечего.

Наташа выслушала все это, глядя на девушку остановившимся, ничего не видящим взглядом. Представление ее как журналистки Наташу ничуть не успокоило. Все всегда так и начинается. И ей ли не знать, каким бывает Борис, когда ему нравится женщина. Да и странно было бы подумать, что такое очаровательное создание кому-то может не понравиться.

– Борис, я хочу с тобой поговорить, – тусклым голосом произнесла Наташа, с усилием отрывая взгляд от журналистки.

– Что-то важное?

– Нет... Не знаю. Я принесла тебе Лерочкино письмо к Деду Морозу. Возможно, в нем она пишет, что ее так мучает.

– Возможно? – поднял брови Морозов. – Сама не читала?

– Я дала ей слово, что не буду читать. А вот ты, мне кажется, должен посмотреть.

– Хорошо, – кивнул Борис так поспешно, как будто присутствие Наташи в кабинете его тяготило. – Я посмотрю. Позднее. – И положил листок поверх стопки документов, громоздящийся на письменном столе.

– Могу я сейчас уехать? – смотря в пол, спросила Наташа. – У меня очень болит горло, боюсь заразить Леру ангиной.

– Да, конечно, пожалуйста, – с готовностью закивал хозяин. – Сейчас вызвоню Мишу, он тебя отвезет.

Он даже проводил ее до порога. А потом вернулся на свой стул позади просторного стола и с удовольствием обратился к девушке:

– Ну, на чем же мы остановились?

– На том, что вы отказываетесь дать мне интервью! – с возмущенной гримаской воскликнула журналистка.

– Милая Саша, я не то чтобы отказываюсь... Покажите мне того мужчину, который смог бы вам хоть в чем-то отказать. Просто я более чем убежден, что для вашей газеты такой материал совершенно не интересен. Фирма моя находится в Австралии, бизнес мой совершенно прозаичен. И признайтесь, что совсем не это вас интересует.

– Ну хорошо, – сдалась девушка. – Просто вас видели в обществе Ларисы Никольской, а о ней сейчас пишут очень много. Она два года назад похоронила мужа и, говорят, едва не отошла от дел, так переживала. А теперь она снова стала веселой, похорошела, это вы так на нее влияете?

– Не знаю, – развел руками Морозов.

– Как это – не знаете?

– Ну, с Ларисой Константиновной я действительно знаком. И она с самого начала показалась мне женщиной очень симпатичной, даже красивой. А похорошела ли еще больше – тут я пас!

– А как вы познакомились? – бойко полюбопытствовала девушка.

– Очень банально – на дороге. Я помог Ларисе Константиновне устранить одну незначительную поломку. И тогда еще не знал, что имею дело с генеральным продюсером нашего замечательного телевидения. Дело в том, что я чрезвычайно редко смотрю отечественные программы.

– И вы сразу назначили ей свидание? – спросила Саша, и ее большие светло-карие глаза стали от любопытства совсем огромными.

– А вот на этом, Саша, давайте остановимся. Как вы понимаете, я слишком уважаю себя и Ларису, чтобы вдаваться в подробности. К тому же тема вашего интервью меня немного напрягает. Я сам кое-чего достиг в этой жизни и не хотел бы выглядеть этаким охотником на знаменитостей. Поэтому давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом.

– Да, я вас понимаю, – вздохнула журналистка. – Это очень правильная позиция для мужчины. Хотя, конечно, для меня крайне печальная... – И она принялась в сердцах засовывать диктофон в довольно потрепанную клеенчатую сумочку.

Борис откровенно любовался ею. Девушка напоминала норовистую лошадку изысканных кровей, за которую не жалко выложить все свое состояние. Вот только одета девчушка неважно, с рынка наверное, журналистское поприще пока не принесло ей особых дивидендов. Борис мысленно передел ее в вечернее платье цвета лазури до пола и с открытой спиной. Прищурился и поменял цвет на светло-бежевый, персиковый, теплый. Картинка впечатлила. Ему вдруг стало жаль вот так отпускать девушку. А она, кажется, не кокетничает, на самом деле собирается уходить.

– Саша, могу я вас пригласить сегодня в ресторан? – спросил он как о чем-то совершенно заурядном, роясь в бумагах.

Девушка смерила его удивленным взглядом сияющих глаз и ответила:

– Нет.

Борис Морозов удивился: ему редко отказывали женщины. Да и эта, скорее всего, просто погорячилась. И он с улыбкой, словно разговаривал с неразумным дитятей, поинтересовался:

– Почему же, Сашенька?

– Потому что вы не оригинальны, – надменно вскинув голову, звонким голосочком проговорила девушка. – Каждый мужчина, у которого я беру интервью, обязательно пытается меня куда-нибудь пригласить.

– Так что же в этом плохого? – изобразил удивление Борис. – Ведь когда-нибудь среди этих мужчин окажется тот, кто вам понравится. Разве здорово будет, если он-то как раз и не пригласит вас на свидание?

– Я сама его приглашу, – спокойно, как о чем-то давно решенном, ответила девушка.

– Но, Саша, как человек старший по возрасту, должен вас предупредить о некоторой опасности такого поступка. Мужчина, приглашенный вами, едва ли поймет и примет отказ в чем-то большем, чем просто встреча. Вам будет чрезвычайно сложно установить границы ваших отношений.

– Поймет.

– Почему вы в этом так уверены?

– Потому что это будет особенный мужчина! – торжествующе произнесла девушка.

Борис развел руками, демонстрируя, что на этот мощный аргумент ему нечего ответить.

– Что ж, Саша, телефон мой вы знаете. Думаю, звонить мне по поводу Ларисы... Константиновны не имеет смысла. А вот если вы захотите меня куда-нибудь пригласить, ну, тогда, Саша, я буду просто прыгать до потолка от счастья.

Саша пожала плечами и горделивой поступью проследовала прочь из кабинета.

Лера вертелась в холле, от нечего делать собиралась посмотреть какой-то сериал вместе с домработницей Милой, когда мимо нее ураганом пронеслась девушка, прежде не замеченная ею в отеческом доме. Возле Леры девушка на миг затормозила и вдруг подхватила ее на руки, закужила и воскликнула:

– Какая красивая девочка! Наверно, вся в папу, да? – поставила Леру на место и убежала громко смеясь.

Девочка и домработница пораженно уставились ей вслед и не сразу смогли вернуться к своим занятиям. Мила даже пальцем у виска повертела, выражая свое отношение к этой хозяйской гостье.

А Борис Валентинович, оставшись один, еще минут пять бродил по своему кабинету, щупал землю в цветочных горшках, поглядывал во двор. Он видел, как Саша вышла за ворота, но пошла не направо, к стоянке, а прямо, к дороге, где была остановка автобуса. И пожалел, что не предложил девушке отвезти ее в город. Потом заставил себя сесть за стол, пододвинул поближе стопку документов. И тут на глаза ему попала бумага, исписанная рукой дочери.

Читал он долго, много дольше, чем любой, даже самый важный документ. Иногда, забывшись, тянулся к ящику стола, где прежде лежали сигареты, и злился, не находя их, напрочь забыв, что уже год как бросил курить. Потом снова бродил по кабинету, но в окно больше не смотрел, поглощенный своими невеселыми мыслями. Наконец, часа полтора спустя, Морозов выглянул в коридор и окликнул Милу.

– Моя дочь уже легла спать? – спросил он домработницу.

– Нет, – ответила та с легким беспокойством. – Она на кухне, чай со мной пить собирается. Что, сказать, чтобы немедля шла в постель?

– Нет, Мила, пошлите ее ко мне. И чай сюда принесите, я тоже попью, – попросил хозяин, и Мила отметила про себя, что у него сегодня какой-то странный осипший голос.

Лера, узнав, что отец зовет ее пить чай в свой кабинет, ужасно разволновалась и несколько раз спросила Милу, не выглядит ли папа сердитым и не собирается ли ее за что-нибудь наказать. Вообще, к отцу у нее было двойственное отношение. С одной стороны, Лера была на сто процентов уверена, что он сделает для нее все, что угодно, и прогонит из дома любого, кто посмеет ее обидеть. С другой – робела и замыкалась в его присутствии. Ей каза-

лось, что отец все знает о ней, все замечает и в любой момент может припомнить ей каждое ее прегрешение. Собираясь проследовать в кабинет, она заново собрала волосы в хвост и критически осмотрела свое домашнее платье: нет ли пятен. Потом прошептала на манер Милы:

– Ну, Господи, благослови!

И пошла по коридору. Вслед за ней Мила, звучно шаркая тапками о паркет, потащила поднос с чаем.

– Садись, – официально, как взрослой, сказал дочери отец и показал на стул рядом с собой.

Лера застеснялась и села бочком, сцепив пальцы рук. Пока Мила расставляла на столе чашки и вазочки с вареньем, и отец и она напряженно молчали.

– Валерия, через десять дней я снова уезжаю в Австралию, – начал Борис Валентинович, когда домработница удалилась. – Вернусь уже перед самым Новым годом. У меня к тебе две просьбы. Первая: постарайся окончить четверть без троек хотя бы по основным предметам. И вторая: не мучай Наташу. Ну как же ты не понимаешь, что она очень тебя любит? Поэтому так мягка с тобой, не может взнудать, как твоя прежняя гувернантка. Ты меня понимаешь?

– Понимаю, – робко отозвалась Лера. В отцовском кабинете она всегда со всем соглашалась.

– Теперь о приятном, – вдруг широко улыбнулся ей отец. – Скажи, что мне привезти тебе в подарок? Можешь просить что угодно...

Лера заинтересованно вскинула голову.

– ... в рамках разумного, конечно. Например, кенгуру я тебе не привезу.

Лера, которая как раз в очередной раз собралась попросить хорошенького кенгуренка, вздохнула и отвела глаза.

– Давай говорить серьезно, дочь. Ты уже не ребенок, то есть не совсем ребенок. Чего бы тебе хотелось на самом деле?

И тут Леру прорвало. Она вдруг всхлипнула, рот ее искривился страдальческим изломом, и она пробормотала:

– Ничего не привози, папа, я не хочу. Раз у меня нет мамы, как у других детей, то ничего мне не надо.

Она ожидала, что отец отругает ее за слезы и отошлет в ванную комнату приводить себя в порядок. Но он вдруг сказал мягко, почти ласково слова, заставившие сердечко Леры забиться в бешеном ритме:

– Послушай меня, дочка. Я тебе обещаю, что этот Новый год ты будешь встречать со своей мамой.

Девочка вздрогнула и заморгала глазами. Потом прошептала, не веря своим ушам:

– Мама... возвращается... к нам?

– Да, – коротко кивнул отец.

– Но... почему... почему ее так долго не было?

– Послушай, Лера, – произнес отец резко, как будто хотел отчитать ее. Но с середины фразы заговорил тише, спокойнее: – Между взрослыми людьми иногда случаются недоразумения. Мы с твоей мамой поссорились так сильно, что больше не могли жить вместе. И она уехала.

– Но почему мама не забрала меня с собой? – быстро спросила Лера, потрясенная тем, что отец, наконец, стал говорить с ней о матери. Раньше ей не удавалось добиться от него о ней ни звука.

– Потому что я не отдал. Разве тебе было плохо со мной, стрекоза? Но теперь прошло достаточно времени, и мы снова решили жить вместе. Ты довольна?

Лера смотрела на отца не мигая и молчала, потому что ответ «да, довольна» и в тысячной мере не передал бы ее нынешних переживаний. А потом попросила:

- Папа, теперь, когда вы помирились, ты можешь показать мне мамину фотографию?
- Ты совсем не помнишь маму? – спросил отец, и Лера покраснела от огорчения.
- Совсем... или помню... я не знаю.

– Ну, ничего, скоро увидишь ее воочию. А фотографий у меня нет, как я и говорил. Понимаешь, когда люди ссорятся, они часто сгоряча уничтожают письма, фотографии. Кстати, может оказаться, ты уже и видела ее, просто не узнавала. Больше я ничего пока не скажу. Пусть будет сюрприз.

Лера сползла со стула и медленно пошла к выходу. Она даже не спросила у отца, можно ли ей идти или он хочет еще о чем-то с ней поговорить. Только на самом пороге остановилась и задала последний вопрос:

- А у меня есть дедушка и бабушка?
- Ты прекрасно знаешь, что они умерли, – ответил отец.

– Не-ет, я не о тех, не о твоих родителях! Но у мамы тоже могут быть родители, мои дедушка и бабушка. Может, они еще живы?

– Все узнаешь на Новый год, – отрезал Борис Валентинович и отвернулся прежде, чем Лера успела заметить смущение и досаду на его лице.

А Лера уже неслась в свою комнату и даже не забежала на кухню, где Мила ждала ее и волновалась за свою любимицу. Все в душе переворачивалось от радости и непонятной тревоги. Больше всего потрясла ее фраза отца, что она, может быть, уже видела свою маму, но не узнала ее. Это значит, может оказаться, что мама уже давно находилась рядом с ней.

«А вдруг это Наташа? – подумала Лера и ужасно перепугалась. – А я так издевалась над ней! А она так любит меня и мне поначалу так сильно понравилась! Нет, не может быть, чтобы Наташа была моей мамой. Она давно бы уже призналась. А вдруг мама – это та женщина, которая несколько раз приезжала к отцу на огромной машине? Она всякий раз так странно смотрела на меня! И всегда дарила мне игрушки. А та, другая, что была тут совсем недавно, а потом вдруг обняла меня и выглядела такой счастливой? А я даже не рассмотрела ее толком. Кажется, она была очень красивой. И мама тоже была ужасно красивой, хотя я почему-то не могу вспомнить ее лицо».

Нет, во всем этом надлежало разобраться. Лера вовсе не была наивной малышкой: она знала, что старшие часто обманывают детей, даже если делают вид, что разговаривают с ними на равных. Так, как говорил с ней сегодня отец. Но вдруг он хочет воспользоваться Лериной забывчивостью и ввести в их дом совершенно чужую женщину. Вот этого она никак не должна допустить. Хватит с нее Наташи.

Как же мало надо человеку для настоящего счастья! Заснув далеко за полночь, Лера на следующий день проснулась бодрая и веселая. И сама собрала учебники, переоделась, спустилась вниз. Мила при ее появлении даже всплеснула руками:

- Я думала, ты у нас все еще болеешь. А ты на учебу собралась! Как взрослая!
- Я уже и есть почти взрослая, – строго ответила ей Лера.

В школе в этот день она была внимательна и серьезна, ни разу не отвлеклась на уроках, а после последнего звонка сразу побежала в раздевалку. Самой первой забрала из гардероба свою шубейку, кое-как напялила на себя уже на полпути к выходу. Лишь на полминуты замешкалась Лера в коридоре, чтобы спросить у своей подружки Даши, почему та сидит на скамейке с таким грустным лицом.

– Мама задерживается, – вздохнула хорошенькая томная Даша. – В пробке стоит.

– А моя мама не ездит за мной в школу, – с торжествующей улыбкой сообщила ей Лера. – Я не хочу. Мало ли что может случиться на дороге. Пусть уж лучше дома сидит.

– Да ведь у тебя... – начала было Даша, но тут же примолкла, покраснела и заморгала удивленно. Но потом спросила, тараща на подругу голубенькие глазенки: – А что твоя мама делает весь день дома?

– На пианино играет, – невесть почему сообщила ей Лера. – А потом меня учит играть. – И скорее побежала прочь из школы, потом по узенькой тропинке – в подворотню за школьным зданием.

Наташа, еще даже не успевшая продрогнуть, при виде бегущей к ней девочки едва сумела скрыть удивление и радость. С улыбкой взяла она Леру за руку и через перчатку почувствовала легкое подрагивание маленькой ладошки. Они уже почти дошли до машины, когда Лера вдруг затормозила, вскинула голову и посмотрела Наташе в лицо.

– Что? – спросила женщина, все так же улыбаясь.

– Скажи, Наташа, ты меня любишь? – с каким-то прибитым видом пробормотала Лера. Наташа изумленно и растроганно глянула на девочку и ответила:

– Да, люблю.

– А за что ты меня любишь?

– Просто так люблю. Ни за что.

После этого Лера притихла и вопросов больше не задавала. В душе она испытывала жгучее разочарование. Нет, не так ответила бы Наташа, если бы на самом деле была ее мамой. Какое уж тут «ни за что» и «просто так»? Она обязательно сказала бы: «Люблю за то, что ты моя родная дочка». Наташа почти провалила экзамен на звание матери. Тем не менее до конца дня Лера была необычно тиха и послушна, быстро сделала уроки и долго не отпускала от себя гувернантку, придумывая все новые совместные занятия.

А Борис Морозов в этот вечер сидел в ресторане в пяти минутах езды от своего дома вместе с журналисткой Сашей и с довольным видом думал о том, что Саша, несомненно, здесь самая красивая и породистая, хотя и произвела некоторый фурор среди присутствующих дам своей одеждой с китайского рынка. Они и сейчас, поджав губы, надменно рассматривают ее из-за соседних столиков. Но Саша, оживленная, с пылающими щеками, этих взглядов просто не замечала.

– Тебе хорошо здесь, Сашенька? – поймав на лету тонкую смуглую руку девушки, спросил Борис.

Та домиком свела пушистые брови, улыбнулась самым краешком губ:

– Мне нравится ваша компания, Борис. А вот место могло быть и не таким помпезным. Знаете, когда я вижу, что салат, который я бы приготовила – и гораздо лучше – на сто рублей, тут стоит пятьсот, мне становится смешно. А смех убивает мой аппетит. Но мне, безусловно, приятно, что вы постарались произвести на меня впечатление.

Морозов хотел сперва разозлиться на ее речь, вместо этого рассмеялся и пораженчески вскинул руки:

– Сдаюсь, Сашенька. В следующий раз поведу тебя в самую демократическую забегаловку в этом городе.

– Уверена, вы сами удивитесь, насколько там приятнее обстановка, – серьезно кивнула Саша.

– Саша, милая, поверь, я не родился с золотой ложкой во рту. В твои годы у меня даже на забегаловку денег не хватало.

– Правда? – удивилась девушка. – А вы так органически смотрите в образе хозяина жизни!

– Сколько тебе лет, Саша? – посерьезнев, вдруг полюбопытствовал Борис.

– Двадцать три, – напряглась Саша, чутко уловив перемену тона. – Но я выгляжу моложе, я знаю.

– А родители у тебя есть?

– Конечно. Они живут в далеком северном городишке, о котором вы, уверена, никогда даже не слышали, – ответила Саша и не сумела сдержать тоскливого вздоха.

А еще несколько дней спустя Борис Морозов уже сидел в салоне самолета, старательно набиравшего высоту в преддверии далекого пути. Но, давно привыкший к перелетам, он ничего не замечал, погруженный в свои нелегкие раздумья.

«Да, Наташа была бы идеальной матерью для Леры. Жаль, что я не подумал об этом раньше. Она умна, добра и по-настоящему любит мою дочь. Причем любит не за что-то, а вопреки, и это особенно ценно. Плохо только, что в последнее время она как-то потерялась в этой любви и, как следствие, утратила авторитет. Теперь это трудно будет поправить, а Лера так нуждается в любящей, но твердой руке.

Лариса – вот кто способен научить мою дочь тому, какова должна быть женщина в современном мире. Привить ей это свое изумительное изящество, легкость в общении, выработать волю и стремление к успеху. Да, признаться, я хотел бы, чтобы моя девочка была хоть немного похожа на Ларису. Только вот вопрос: захочет ли Лара, даже став моей женой, стать матерью для Леры? В предыдущем, почти десятилетнем браке, у нее детей не было. Значит, и не хотела, берегла себя для карьеры, для блеска в обществе. Она вечно сует Валерии какие-то мудреные игрушки, как будто хочет поскорее избавиться от ее общества. И всегда так странно смотрит на девочку...

Сашенька... Нет, об этом даже мечтать не стоит. Она слишком молода для роли мамы десятилетней девочки с непростым характером. Саша станет ее подружкой, напарницей в играх, сообщницей ее проказ, но никак не матерью. У нее в этой жизни все должно сложиться правильно: замужество, младенец, вместе с которым будет взрастать и она сама. Взвалить на нее Леру было бы непростительной ошибкой. Хотя, черт возьми, для меня это самый соблазнительный вариант! Но об этом и мечтать не стоит».

Самолет давно уже закончил свой натужный подъем и теперь вольготно летел среди розоватых облаков, радуясь, что вырвался из мороза, слякоти и спешит к прекрасной стране, где всегда царствует лето. А Морозов все терзал себя мыслями. Уж если он собирается пожертвовать собой ради счастья дочери, то и сделать это надо не менее чем на триста процентов.

А в это время в его подмосковном доме происходили странные и тревожные события. В девять часов вечера распахнулась дверь и в холл дома стремительным шагом вошла высокая, очень худая женщина с лицом несколько надменным, но таким своеобразным, что, увидав однажды, забыть его было невозможно. Трудно было сказать, красива она или дурна собой. У женщины было треугольное лицо с крепким, выдающимся подбородком и большие прозрачные глаза, холодные, как ручей, вытекающий из ледника. Она вошла по-хозяйски, коротко кивнула домработнице и требовательно спросила:

– Где девочка?

Мила в ответ испуганно всхлипнула и закрыла лицо руками. Сверху уже кто-то бежал, топая по лестнице. Это Наташа, услышав стук входной двери, бросилась вниз, на бегу выкрикивая вопросы:

– Мила, это она? Она вернулась? – И безмолвно застыла у основания лестницы, блуждая непонимающим взглядом по одетой во все черное фигуре гостьи. Та в свою очередь надменно оглядела гувернантку и заговорила первая:

– Добрый вечер, Наташа! Надеюсь, с вашей подопечной все в порядке?

– А почему вы спрашиваете? – с трудом шевеля губами, прошептала Наташа. – Вы что, что-то знаете?...

– Час назад девочка прислала мне на мобильный очень странное сообщение. Я была вынуждена все бросить, примчаться сюда... Да что тут у вас происходит, черт побери?!

Окрик несколько привел Наташу в чувство, и она проговорила, натужно шевеля губами:

– Лерочка пропала. Мы с Милой собираемся звонить в милицию.

– Когда это случилось?

– Я не могу вам сказать точно. После школы мы позанимались, немного поиграли, потом в семь часов, как обычно, я поехала домой. Миша, шофер, отвез меня в Москву. Но мне вдруг стало очень беспокойно. Я подумала, что Лере сейчас, наверно, грустно и плохо. Одна, в этом огромном доме... До Нового года всего несколько дней, а ее отец снова улетел. Я решила вернуться сюда, пока еще ходят автобусы, а с утра повезти девочку в центр, за подарками. Как только приехала, то сразу заглянула в детскую, но Леры там уже не было...

– Вы позволяете ей гулять так поздно?

– Конечно нет! – хором воскликнули Мила и Наташа.

Потом гувернантка прибавила:

– Она оставила на подушке записку. Это ужасно!

– Дайте посмотреть! – приказала новоприбывшая, протягивая руку.

Наташа немедленно подала ей тетрадный листок с большими, сантиметровыми буквами: «НАТАША, Я ПОПАЛА В БЕДУ. ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ПОМОЧЬ МНЕ, ИЩИ МЕНЯ В ПИТЕРЕ».

– При чем здесь Санкт-Петербург? – спросила женщина, возвращая листок.

– Там Лерочка родилась и прожила почти девять лет, – горя желанием хоть чем-то помочь, подала реплику Мила.

– Но за пару часов она никак не могла оказаться там. И вообще, каким образом она собирается туда попасть? Десятилетней девочке не продадут билет ни на поезд, ни на самолет.

В этот момент входная дверь снова отворилась. На пороге возникла Саша. Щеки девушки ярко горели, короткие волосы так щедро запорошил снег, что из шатенки она превратилась в блондинку. Журналистка тяжело переводила дыхание. При виде предыдущей гостьи глаза ее широко распахнулись, округлились губы.

– Ой, Лариса Константиновна! – тонким голосочком воскликнула она. – Добрый вечер!

– Мы знакомы? – высоко подняла тонкие брови женщина в черном.

– Нет, что вы, вы меня не знаете. А я пишу про вас статью. Меня зовут Саша, очень приятно.

– Почему-то мне про эту статью ничего не известно, – пробормотала Лариса. – И что же, милая девушка, сегодня привело вас сюда?

– Меня позвала девочка, дочка Бориса, – независимо вскидывая подбородок, ответила Саша. – Она подошла ко мне сегодня днем и попросила приехать вечером. Сказала, что у нее какая-то важная проблема.

– Вы были тут сегодня днем? – нейтральным голосом уточнила Лариса.

– Да, я провожала Бориса в его поездку. Точнее, прощалась с ним, потому что он не взял меня в аэропорт из-за снегопада.

Лариса ничего не сказала, лишь в ее взгляде, обращенном на Сашу, на мгновение промелькнула гримаса боли. Впрочем, тут же сменившаяся легким торжеством. Потому что Морозова в аэропорту провожала она...

– Что-то случилось? – спросила чуткая Саша и сделала шаг к стоящей на ступеньках и словно отключившейся от всего происходящего Наташе. – С Лерочкой?

Но Наташа молчала, и вместо нее ответила Лариса:

– Да, похоже, произошло что-то непредвиденное. Сравним наши данные. Днем девочка обращается к вам, Саша, с просьбой прийти позднее и помочь ей. Потом, предположим, между семьей и девятью часами она исчезает, оставив своей гувернантке записку, в которой пишет,

что она попала в беду, и указано, что искать ее нужно в Питере, хотя оказаться там за такой короткий срок она никак не смогла бы. А в восемь часов на мой мобильный поступает следующее сообщение: «ЛАРИСА КОНСТАНТИНОВНА, МЕНЯ ПОХИТИЛИ, ТРЕБУЮТ ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ ВЫКУП, ПОМОГИТЕ! ЛЕРА».

Наташа ахнула и побелела, потом, цепляясь за перила, неловко осела на ступеньку. И закричала:

– Господи, да ее же похитили! Что же вы спрашиваете, как она оказалась в Питере? Ее туда увезли!

– Получается, девочка, находясь в собственной комнате, написала записку с указанием, куда ее увезут. А потом вышла из дому прямо в руки похитителей. Кстати, хорошо бы узнать, где сейчас ее мобильный телефон. Я несколько раз звонила девочке по дороге сюда, но слышала только длинные гудки. Пожалуйста, Мила, поищите телефон, – распорядилась Лариса. А потом крикнула вслед женщине, рванувшей по ступенькам вверх: – Да, и проверьте еще, в чем девчушка ушла из дому!

В ожидании новых сведений женщины не сводили друг с дружки растерянных, озадаченных и не слишком дружелюбных взглядов. Спокойной оставалась лишь Лариса. Она же предприняла благородную попытку успокоить Наташу.

– Девочка наверняка решила поиграть с нами, – громко произнесла она. – Или проверить нас на прочность, уж не знаю зачем. Думаю, тревогу поднимать пока не стоит.

А сверху, перепрыгивая ступени, уже неслась Мила с сообщением:

– Здесь ее телефончик, в шкафчике лежал! Не взяла! И одежды никакой не взяла! Ушла из дома как есть!

– В декабре? – вздернула брови Лариса. – А вы хорошо посмотрели?

– Да весь шкаф перебрала! И шубка ее на месте, и сапожки, и курточка, что на оттепель велено надевать. А какое платьице или свитерок одела, это я от волнения сообразить не смогла, уж больно там много всего повешено.

Женщины ошеломленно переглянулись.

– Села в машину? – одними губами предположила Саша.

Глухо застонала Наташа.

– Что ж, это меняет дело, – спокойно отчеканила Лариса. – Думаю, нам нужно сейчас же ехать в Питер.

– Надо в милицию звонить, – поднимаясь со ступеньки и на глазах собираясь с духом, проговорила Наташа. – И Борису сообщить. Пусть немедленно возвращается домой.

Но Лариса, прикрыв глаза, помахала в воздухе тонкой рукой, словно отменяя все Наташины соображения:

– Никакой милиции, пока мы не знаем, с чем в точности имеем дело. Я сейчас сделаю несколько звонков, и девочку будут искать лучше, чем золотой запас России, если он, упаси господь, куда-нибудь исчезнет. Бориса дергать пока не надо. Что такого он сможет сделать, чего не можем мы? Итак, Наташа, вы едете со мной?

– Но вы сами говорили, что она едва ли могла так быстро оказаться в Питере, – напомнила Наташа.

– Да, но время-то идет. Допустим, какие-то негодяи запугали девочку настолько, что она не решилась никому рассказать, что с ней происходит. И единственное четкое сведение, оставленное ею, – это название города. То есть она либо осталась в Москве, либо каким-то образом оказалась или в ближайшее время окажется в Питере. Точнее мы не знаем. Но здесь, в Москве, у меня есть к кому обратиться за помощью. В Питере, впрочем, тоже есть. Но если здесь достаточно одного моего имени, чтобы поиски завертелись, то в Питере лучше присутствовать лично. Поэтому предлагаю немедленно сесть в мою машину...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.